

цинской помощи (ст. 165), а судебная практика шла по пути применения нормы о должностной халатности (ст. 108) в случаях неосторожного нарушения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. Ломка установившихся представлений вызвала большую дискуссию в кругах медицинской общественности и только к концу 30-х гг. вопрос об общих основаниях ответственности врачей за нарушение профессиональных обязанностей в принципе был решен.

Но проблематичность вопросов, касающихся уголовной ответственности медицинских работников, осталась, она приобрела лишь иной характер. Необходимо было уточнить пределы уголовной ответственности медицинских работников за нарушение по неосторожности своих профессиональных обязанностей, разобраться в обоснованности квалификации этих правонарушений по норме закона о должностной халатности, уяснить роль и определить компетенцию судебно-медицинской экспертизы по так называемым «врачебным» делам.

Советское законодательство не признавало непогрешимости врачей. Оно предусматривало уголовную ответственность за определенные упущения, за которые врачи должны были нести ответственность перед законом на общих основаниях¹.

В первые годы Советского государства часть врачей высказалась против применения мер уголовного преследования врачей. Особую известность приобрело заявление Ленинградского акушерско-гинекологического общества (1926 г.), вызвавшего дискуссию по вопросу уголовной ответственности врачей.

В своем докладе на этой дискуссии старший городской эксперт Ленинграда Н.И. Ижевский отметил, что «привлечение врачей к судебной ответственности происходит по статьям, относящимся не к специальной врачебной деятельности, а к общегражданскому уголовному кодексу. Но специфические особенности врачебной деятельности, затрагивающие важнейшие интересы населения, не находят себе достаточно точного и ясного отражения в современных статьях кодекса».

В более поздние периоды к этому вопросу возвратился ряд авторов. Так, например, Г. Бабкова-Басова (1939) писала, что ст. 109 и 111, 139 и 145 УК РСФСР 1926 г. не отражают специфичности врачебных нарушений. Наиболее часты случаи привлечения врачей по ст. 111. Причинение вреда жизни и здоровью больных, как последствия врачебных упущений, не охватываются понятием ст. 111 УК. Ссылка ст. 111 на признаки ст. 109 и квалификация врачебных нарушений по этой статье кодекса, предусматривающей нарушение интересов граждан и наступление иных тяжелых последствий, также не определяет с достаточной точностью признаков состава врачебного преступления. Привлечение врача по ст. 139 (неосторожное убийство) и по ст. 145 (неосторожное телесное повреждение) также не отражает сущности врачебных нарушений, так

как неправильно квалифицировать по общим статьям УК нарушения врачей, отличающиеся от всех других преступлений как по цели, так и по методу действий. Г. Бабкова-Басова высказала пожелание объединить отдельные виды врачебных нарушений, явившихся результатом неосторожности, небрежности или невежества, в одну общую статью УК. Ряд других авторов также считал вполне оправданным введение в уголовный закон специальной статьи, определяющей уголовную ответственность врачей за небрежные, неосторожные и нерадивые действия⁴.

С изданием в 1960 г. УК СССР высказанные пожелания не были реализованы. За неосторожные действия чаще всего стали привлекать врачей по ст. 172, как за должностное преступление.

Совершенно очевидно, что законодатель считал вполне возможным и целесообразным относить, как и прежде, небрежное и недобросовестное отношение отдельных врачей к выполнению возложенных на них по службе обязанностей к халатным действиям, как и в любой другой профессии, то есть применять к неосторожным врачебным действиям ст. 172. Таким образом, основным аргументом против введения новой специальной статьи в закон послужило то обстоятельство, что врач – такой же гражданин, как и все, и поэтому его профессиональное или должностное преступление должно наказываться по статье, говорящей вообще о должностном преступлении.

В принятом 24 мая 1993 г. УК РФ также отсутствовала специальная норма, регламентирующая преступные нарушения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. В основном медицинские правонарушения квалифицируются по ст. 109, 118, 124 УК РФ, которые не отображают в полной мере специфику указанных преступлений.

Профессиональные правонарушения врачей должны быть предметом всестороннего рассмотрения не только с медицинской точки зрения, но и с правовой.

Таким образом, вопрос о квалификации преступных нарушений медицинскими работниками профессиональных обязанностей нуждается в дополнительной регламентации, отражающей специфику этих преступлений. В связи с этим есть необходимость ввести статью, предусматривающую уголовную ответственность за неосторожное лишение жизни или причинения тяжкого вреда здоровью пациента в результате грубого несоблюдения правил и методов оказания ему медицинской помощи.

¹ Плюшевский-Плющик М.А. Об ответственности врачей // Вестник общественной гигиены. – СПб., 1913.

² Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. – М., 1956.

³ Огарков И.Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. – М.: Медицина, 1966.

⁴ Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. – М.: Юрид. лит., 1970.

И.А. Косарева

БРАК КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

The article deals with the problem of married couple joint ownership.

Брак является особой юридической категорией, не имеющей однозначного определения, несмотря на длительную историю его существования и интерес к нему представителей различных общественных наук.

В современной правовой доктрине о природе брака высказываются следующие точки зрения: брак – договор, брак – партнерство, брак – статус¹; в других источниках: брак – таинство², брак – институт особого рода³. Теория брака-договора восходит к древнеримскому праву, где основные формы вступления в брак носили признаки гражданско-правовой сделки⁴. В настоящее время стало актуальным признавать за браком качество партнерства (в связи с возможностью вступления в брак однополых лиц), но такая концепция брака мало чем отличает его от брака-договора. Брак-статус связывается с делящимся характером отношений супругов и приобретением нового семейного положения: «женат», «замужем». Брак-таинство рассматривался каноническим правом как период нахождения брачных отношений под юрисдикцией церкви.

Точка зрения на правовую природу брака как на институт особого рода позволяет обозначить самостоятельный характер данной категории, отличной от всех других правовых явлений. Представляется, что определение брака как института особого рода более всего соответствует его сущности. Несмотря на различные теории и дефиниции, одно остается неизменным: брак – это все-таки союз мужчины и женщины с целью создания семьи, прежде всего рождения и воспитания детей. Российское право прямо отрицает однополые браки, известные зарубежным правовым порядкам.

В отечественном и зарубежном позитивном семейном праве редко встречаются легальные дефиниции брака. Безусловно, это объясняется сложностью самого феномена брака. Современные исследователи делают вывод, что юридическое определение брака было бы неполным, так как не могло бы охватить существенные признаки брака, лежащие за его пределами⁵.

Впервые легальные дефиниции брака мы встречаем в римском праве. Модестин в Дигестах писал: «брак является пожизненным союзом мужчины и женщины, единением в божественном и человеческом праве»⁶. Вряд ли можно считать первое юридическое определение брака удачным, поскольку в нем не содержалось указания на существенные признаки брака как особой правовой категории.

Дореволюционные цивилисты, предпринимая попытки объяснить природу брака, выделяли два аспекта. Так, Д.И. Мейер писал: «С точки зрения религии брак представляется учреждением, состоящим под покровительством божества; по учению же православной церкви – даже учреждением, совершаемым с его участием, – таинством. Равным образом и закон нравственный, независимо от религии, принимает в свою область учреждение брака и признает его союзом двух лиц разного пола, основанном на чувстве любви, который имеет своим назначением – пополнить личность отдельного человека, неполную в самой себе, личностью лица другого пола...»⁷. Г.Ф. Шершеневич считал, что основанием возникновения брака является договор, но брачное правоотношение, по его мнению, гражданским обязательством не является, поскольку предполагает не совершение определенных действий, а общее на всю жизнь, и имеет больше нравственное, а не экономическое содержание⁸. С точки зрения К.П. Победоносцева, «сущность брака – в условиях физической и душевной природы человека, а не только юридическое соединение волею»⁹. По его мнению, побуждение к браку и его цель – это исполнение закона природы, в силу которого личность человека ищет себе дополнения и усовершенствования в личности другого пола. Им же принята попытка определить потребность человека к браку на разных ступенях общественного развития – от грубого инстинкта животной природы до единения и целостности раздвоенной на два пола природы человека.

Бесспорно, брак – многогранная категория, особый социальный феномен, и в том числе – основание возникновения правоотношений супружества, в структуре которых можно выделить личные неимущественные и имущественные; «сердцевину» последних составляют правоотношения собственности. С точки зрения общепринятой классификации юридических фактов брак является правомерным действием, однако только при одновременном соблюдении необходимых положительных (принадлежность лиц, вступающих в брак к разному полу, достижение брачного возраста и добровольность) и отсутствия отрицательных (установленных законом препятствующих обстоятельств) условий, совершенный в установленном порядке.

В первые годы становления советской власти право законодательно закрепило концепцию брака как «договора без правовых формальностей», предусмотрев неформальное и заключение, и расторжение брака, что было подвергнуто критике зарубежных юристов¹⁰.

В современной России признается только брак, заключенный в органах ЗАГСа. Установленная форма брака является единственно возможной и допустимой современным государством, что следует из п. 2 ст. 1 Семейного кодекса РФ (далее СК РФ). Совершенный иным способом брак, например, по канонам церкви или национальным обычаям на территории России, не порождает семейного правоотношения между супругами. Исключение установлено п. 7 ст. 169 СК РФ для браков граждан, заключенных по религиозным обрядам, на оккупированных территориях, входящих в состав бывшего СССР, в период Великой Отечественной войны, до возобновления деятельности органов ЗАГС. Сохраняют силу и браки, совершенные по религиозным обрядам до 20 декабря 1917 г.

Брак в качестве основания возникновения общей совместной собственности в России был назван в 1926 г. Такое положение существует до сих пор (п. 1 ст. 33 СК РФ и п. 1 ст. 256 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ)). Однако совместную собственность супругов составляет только имущество, нажитое ими в период брака. Имущество, приобретенное одним из супругов до вступления в брак, а также полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам, а также вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие предметы домашнего обихода) не включаются в общую совместную собственность. Однако имущество каждого из супругов может быть признано их совместной собственностью, если будет установлено, что в период брака за счет общего имущества супругов или имущества каждого из супругов были произведены вложения, значительно увеличившие стоимость этого имущества (капитальный ремонт, реконструкция, переоборудование и др.).

Право общей совместной собственности отличается от права общей долевой собственности тем, что доли собственников заранее не определены. Участники общей совместной собственности имеют равные права на владение, пользование и распоряжение имуществом, а участники общей долевой собственности владеют, пользуются и распоряжаются имуществом в пределах своих долей. Совместная собственность на имущество возникает лишь в случаях, прямо предусмотренных законом.

В настоящее время режим совместной собственности установлен для супругов и для членов крестьянского фермерского хозяйства. Распоряжение совместной собственностью основывается на презумпции, что ее участники заранее согласны на совершение сделки, которая заключается одним из них. Исключение установлено в отношении сделок, подлежащих нотариальному удостоверению и (или) государственной регистрации. Такие сделки могут совершаться только с предварительного нотариально удостоверенного согласия второго супруга (п. 3 ст. 35 СК РФ).

Существует проблема, можно ли считать сделкой учреждение юридического лица или решение гражданина об индивидуальном занятии предпринимательской деятельностью. Если гражданин, решивший заняться предпринимательской деятельностью, состоит в брачных отношениях, возникает сразу несколько вопросов: каковы гарантии прав другого супруга при вовлечении имущества в предпринимательскую деятельность, которое может оказываться общим имуществом супругов, и как ограничить ответственность супруга-должника по его обязательствам перед кредитором (кредиторами) за счет совместно нажитого супружеского имущества (заключение брачного договора гарантией не является)?

Собственность супругов, являющихся членами крестьянского (фермерского) хозяйства, определяется ст. 257 и 258 ГК РФ и специальными законами. В данном случае речь идет только о специфике владения, пользования и распоряжения объектами, составляющими имущество крестьянского (фермерского) хозяйства. Имущество суп-

ругов, которое не входит в число этих объектов (бытовые вещи, денежные средства, имущество, приобретенное на доходы, полученные от владения хозяйством), является объектом общей совместной собственности супругов. Законный режим имущества не может отвечать интересам всех супружеских пар; поэтому законодатель предусмотрел возможность определения права долевой или раздельной собственности брачным договором (п. 2 ст. 33 СК РФ). Общность имущества супругов может прекратиться как при их жизни (в случае, во-первых, при заключении брачного договора, во-вторых, – при достижении соглашения о разделе имущества), так и в случае смерти одного из супругов (объявления его умершим) или признания его безвестно отсутствующим.

Законный режим имущества супругов носит диспозитивный характер. Предоставлена возможность устанавливать иное брачным договором. Брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее их имущественные права и обязанности в браке и (или) в случае его расторжения.

В п. 2 ст. 41 СК РФ содержится указание на обязательность письменной формы и нотариального удостоверения брачного договора. Супруг обязан уведомить своего кредитора (кредиторов) о заключении, изменении или расторжении брачного договора (п. 1 ст. 46 СК РФ). Невыполнение этой обязанности дает кредитору (кредиторам) право обращаться взыскание на имущество супруга-должника вне зависимости от содержания брачного договора (п. 1 ст. 46 СК РФ). При этом непонятна судьба брачного договора. Абсолютно не защищенными в такой ситуации остаются права другого супруга.

Соглашение о разделе имущества согласно п. 1 ст. 38 СК РФ может быть заключено как в период брака, так и после его расторжения. В п. 1 ст. 45 СК РФ прямо закреплено право кредитора (кредиторов) супруга-должника требовать выделения доли этого супруга из общего имущества, которая причиталась бы ему при разделе. Из смысла ст. 255 ГК РФ также следует, что с заявлением о разделе общего имущества супругов могут обращаться кредиторы одного из супругов в целях обращения взыскания на выделенную долю супруга, если другого имущества этого супруга недостаточно для удовлетворения предъявленных требований. В законе не установлена ни обязательность письменной формы, ни нотариального удостоверения таких соглашений, хотя по желанию супругов их соглашение о разделе имущества может быть нотариально удостоверено (абз.2 п.2 ст.38 СК РФ). Следовательно, напрашивается вывод, что такие соглашения могут заключаться в устной форме; при этом затрудняется лишь возможность доказывания факта совершения соглашения и его условий (ст. 162 ГК РФ). Такая позиция законодателя представляется не совсем верной.

Неясна правовая природа соглашения о разделе имущества, заключаемого супругами в период брака по обоюдному желанию. Чем будет отличаться это соглашение от брачного договора? С учетом всего сказанного, представляется более правильным закрепить в законе возможность заключения соглашений о разделе совместно нажитого имущества только по желанию лиц, расторгнувших брак при отсутствии спора по поводу имущества, с установлением обязательности письменной формы и нотариального удостоверения соглашения о разделе общего имущества супругов. В законе установлено, что кредитор (кредиторы) супруга-должника имеет право обращаться взыскание на совместно нажитое имущество супругов независимо от содержания брачного договора. Есть ли у кредитора такое право, если супруги заключили соглашение о разделе имущества или обратились к нотариусу с заяв-

лением о выдаче свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов? Вероятно, в таких случаях возможно применение норм о брачных договорах по аналогии.

Итак, законный режим имущества супругов может быть прекращен и в силу особого нотариального действия – выдачи свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов. В доктрине встречаются мнения о необходимости отмены соглашения, совершаемого при жизни супругов, как не соответствующего действующему законодательству¹¹. Выдача нотариусом свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов, по их общему заявлению, была актуальна в период существования исключительно совместной собственности супругов. Следует признать, что в настоящее время выдача свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов возможна лишь по заявлению пережившего супруга, для правильного определения состава наследственного имущества. Что же касается определения иного, чем законного, режима имущества супругов, то согласно действующему законодательству супруги могут заключить брачный договор (ст. 40 СК РФ) или соглашение о разделе имущества (п. 2 ст. 38 СК РФ).

Имущественные споры между супругами по поводу притязания каждого из них на вещи, приобретенные в период брака, решаются либо на основании заключенных ими договоров (соглашение о разделе имущества, брачный контракт), либо в судебном порядке. Что касается договоренностей супругов, то в случае крайне неблагоприятных положений для одного из супругов законодатель предусмотрел возможность признать их недействительными по требованию такого супруга. Представляется необходимым включить в число лиц, имеющих право на оспаривание подобных соглашений, законного представителя (опекуна) недееспособного супруга, если недееспособность супруга наступила после заключения ими соответствующего договора.

¹ См.: Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. Т. II. – М.: Международные отношения, 2006. – С.517; Косова О.Ю. Семейное и наследственное право России. – М.: Статут, 2001. – С. 69-72; Антокольская М.В. Семейное право. – М.: Юристъ, 2001. – С. 106-108; Фейтукхин Ю.М. Институт брака по новому семейному законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000. – С. 185.

² См., напр.: Мейер Д.И. Русское гражданское право (по исправленному и дополненному 8-му изд., 1902) – М.: Статут, 2000. – С.713.

³ См.: Загоровский А.И. Курс семейного права. – Одесса, 1902. – С. 5; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – М.: СПАРК, 1995. – С. 413.

⁴ Древнерусскому праву тоже известна такая форма брака. См., напр.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – С. 405-407.

⁵ См., напр.: Рясенцев В.А. Советское семейное право. – М., 1982; Белякова А.М. Вопросы советского семейного права в судебной практике. – М., 1989; Пчелинцева Л.М. Семейное право в России. – М.: Норма-Инфра, 1999.

⁶ Дигесты Юстиниана / пер. И.С. Перетерского. – М.: Наука, 1984. – С. 370.

⁷ Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. – М.: Статут, 2000. – С. 713.

⁸ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) – М.: СПАРК, 1995.

⁹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. – Ч. вторая: Права семейные, наследственные и завещательные. – М.: Статут, 2003. – С. 13.

¹⁰ См.: Freund. Zivilrecht der SU, 1927.; A. Martens-Edelmann. Religion und Sozialismus, 1931. ect.

¹¹ Нотариальное право России: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. проф. В.В. Яркова. – М.: Волтерс Клувер, 2003. – С. 341.